

Железняк И.Н.,

кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

Взгляд на оперативно-розыскную тайну: догма или фиаско? (постановка проблемы)

*Выдать чужой секрет – предательство,
выдать свой – глупость.
Вольтер*

Слово «догма» в русском языке до прихода западной культуры было заимствовано из греческого и всегда имело религиозные коннотации. Например, популярный ресурс Wikipedia определяет догму или догмат как основное положение какого-либо учения, принимаемое в рамках данного учения истинным, без требования доказательства¹.

В определенной мере исследовав теологический аспект, мы, несомненно, придем к выводу, что для светских людей это слово имеет отчетливо негативный характер. В бытовом языке оно уже вошло в речевые штампы, такие как «наука опровергла религиозные догматы» или «христианские догматы сковывают современного человека». Люди, которые употребляют подобные штампы, обычно затрудняются назвать догматы, о которых идет речь, и указать, в чем их суть. Что же такое догматизм для нецерковных людей? Насколько можно понять, под ним понимается отказ думать, отказ принимать участие в рассмотрении чего-либо, что может поколебать устоявшиеся мнения, то есть интеллектуальная нечестность и закрытость².

Возвращаясь к плоскости догматизма в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), мы солидаризируемся с мнением профессора В.Ф. Луговика, констатирующего, что «оперативно-розыскная деятельность относится к тем немногим сферам социальной практики, регламентация которой традиционно лежала в плоскости ведомственного секретного нормотворчества»³.

¹ URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Догма_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Догма_(значения)) (дата обращения: 03.02.2024).

² Зачем нужны догматы? // Православие.ru : сайт. URL: <https://pravoslavie.ru/37255.html> (дата обращения 03.02.2024).

³ Луговик В.Ф. Направления совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (11 декабря 2015 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 53-59.

Оперативно-розыскное право¹ всегда базировалось на догматах таинственности и конспиративности. Причем указанный принцип прослеживается как в части их разработки и регламентации, так и последующей реализации на практике.

В положениях ст. 12 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) предусматривается, что сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах ОРД, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и о тактике проведения ОРМ составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД.

Не вдаваясь в софистику, можно с уверенностью заключить, что суть указанного постулата сводится к простой констатации: *все в ОРД есть государственная тайна* (здесь и далее выделено мной. – И.Ж.), а предание гласности каких-либо ее составляющих есть исключительная прерогатива руководителя органа, ее осуществляющего. Причем для аргументированной полемики по указанному тезису оппоненту априори необходимо иметь допуск к государственной тайне и быть ознакомленным с ведомственными правовыми актами субъектов ОРД, носящими конфиденциальный характер. Круг доводов замкнулся, а привилегированность членов закрытого клуба допущенных, сродни масонству XIX века, отсекает случайных наблюдателей на уровне законодательной регламентации.

Благо ли это в современном обществе, где право возведено в абсолют?

Что важнее: сакральность деятельности сыщиков, по необходимости вторгающихся в охраняемые конституцией права граждан, или право индивида, «как священная корова» сдерживающее своим номи-

¹ Кузнецов Е.В. Методы правового регулирования оперативно-розыскного права: проблемы теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 3(58). С. 26-37.

нальным фактором торжество полицейского государства¹? Последовательная «вивисекция» этого сложного и противоречивого законодательного конструкта определенно невозможна в ограниченных рамках данной работы.

Однако, если принять за аксиому эффективность ОРД лишь при соблюдении условия ограничения к ней доступа посторонних лиц (с чем, несомненно, согласен автор), возникает вопрос: «Достаточно ли эффективно государство обеспечило это ограничение?».

Итак, ОРД, исходя из сформулированных в ФЗ об ОРД задач, всегда связана с различными сферами жизнедеятельности человека.

Часть 2 ст. 24 Конституции РФ определяет, что «органы государственной власти... их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом». Из смысла этой статьи становится очевидно, что результаты ОРД, выраженные в документах или иных материальных носителях, всегда являются объектом интереса лица, в отношении которого эти ОРМ проводились.

Особое уточнение, предусмотренное ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, корреспондирующее к ст. 12 ФЗ об ОРД, и является ограничительным барьером для исключения возможности ознакомления и добропорядочных граждан, и криминальных элементов с особенностями ОРД, эффективность которой напрямую зависит от скрытности.

Кстати, в этом вопросе разбирался и Конституционный Суд РФ, констатирующий в определении от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" по жалобе гражданки И.Г. Черновой», что «оперативно-розыскная деятельность объективно невозможна без значительной степени секретности, а осуществление негласных оперативно-розыскных мероприятий с соблюдением требований конспирации и засекречивание сведений в области оперативно-розыскной деятельности само по себе не нарушает прав человека и гражданина».

¹ В основу доктрины полицейского государства была положена идея о том, что его целью является благо подданных; причем не народ, а правители решают, что является благом, а что не может им считаться. Понятие народного благоденствия широко и неопределенно настолько, что ссылкой на него может быть оправдано любое посягательство на важнейшие и высшие блага индивидуальной жизни. См.: Дергилева С.Ю. Сущность полицейского государства как предмет осмысления полицейистов второй половины XIX – начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 3(51). С. 15-20.

На этом этапе исследования «закрытости» ОРД все выглядит достаточно последовательно. Но «дьявол кроется в деталях», и вряд ли на стадии законопроекта авторы ФЗ об ОРД могли предположить, что именно закон и станет удобным инструментом в руках противоположной стороны, позволяющим в определенной мере вникнуть в суть самой закрытой деятельности государства.

Так, ч. 3 ст. 5 ФЗ об ОРД предоставляет лицу, даже если оно только полагает, что действия органов, осуществляющих ОРД, привели к нарушению его прав и свобод, право обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокурору или в суд.

Исключая варианты обжалования «в вышестоящий орган» как зачастую заинтересованный и «прокурору» как рудиментарный, единственно эффективным для обжалования выглядит суд. При этом уточнение «только полагает» свидетельствует о временной стадии взаимоотношений заявителя и органа, осуществляющего ОРД, до момента проверки в рамках судебного следствия доказательств в уголовном деле.

Таким образом, заявитель получает действенный инструмент для проверки, например, наличия оснований для проведения в отношении него ОРМ. Но только ли? Не создало ли государство из сложных сплетений норм и правил «минотавра», разящего всю законспирированность оперативно-розыскных процедур наповал?

Мы сознательно опустим знакомую исследователям ОРД проблему выбора процедуры реализации права гражданина, закрепленного в ч. 3 ст. 5 ФЗ об ОРД, учитывая, что она остается актуальной и неразрешенной уже на протяжении 15 лет с момента принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», и акцентируем внимание на «правилах игры» сторон процесса при судебном рассмотрении указанной жалобы.

Естественно, при выборе суда в качестве инстанции обжалования заявитель столкнется с пониманием того, что вся материя ОРД пронизана сведениями, составляющими государственную тайну. И уже при вынесении судом первого определения о назначении предварительного судебного заседания на разрешение будет поставлен

вопрос о проведении разбирательства по делу в закрытом судебном заседании по мотиву сохранения государственной тайны¹.

В свою очередь, Конституционный Суд РФ в определении от 10 ноября 2002 г. № 293-О «По жалобе открытого акционерного общества "Омский каучук" на нарушение конституционных прав и свобод ст. 21 Закона РФ "О государственной тайне"» указал, что ст. 21 Закона РФ «О государственной тайне» не может применяться судами, другими органами и должностными лицами в качестве основания для отстранения представителей ответчика от участия в рассмотрении дела судом в связи с отсутствием у него допуска к государственной тайне.

Таким образом, сам заявитель или его представитель допускаются судом к участию в судебном разбирательстве вне зависимости от наличия у них допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Кроме того, в силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств².

В призме исследования нашей проблемы это означает, что все предоставляемые суду субъектом ОРД доказательства правомерности оперативно-розыскных действий будут в равной степени доступны и добропорядочному заявителю, и объекту оперативной заинтересованности, умело использующему нормативные конструкты для ознакомления хоть и частично, но с материалами документирования его преступной деятельности.

Что же может предложить государство в части сохранения государственной тайны при столь очевидном провале в регламентации способов допуска к ней? Решение этой проблемы изложено в постановлении Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 61. Исходя из содержания ч. 3 ст. 11 Кодекса, ст. 21 Закона о государственной тайне,

¹ В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» разбирательство дела в закрытом судебном заседании по мотиву сохранения государственной тайны проводится судом только при наличии в материалах дела сведений, которые отнесены к государственной тайне и засекречены в порядке и на основании Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне».

² О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8.

с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, данной в определении от 10 ноября 2002 г. № 293-О по жалобе открытого акционерного общества «Омский каучук» на нарушение конституционных прав и свобод ст. 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», *судья предупреждает участников арбитражного процесса об уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, о чем у них отбирается соответствующая расписка (обязательство), копия которой приобщается к материалам дела.*

В заключение, вспоминая слова киногероя – начальника отдела борьбы с бандитизмом МУРа капитана Жеглова о важности сохранения тайны в оперативно-розыскной деятельности: «Иной преступник за бумажку на моем столе полжизни отдаст», обязательно задаешься вопросом: «Так все-таки оперативно-розыскная тайна – это догма, нарушать которую непростительно, или фиаско, воплощенное неумелым нормотворчеством?».

Никонов И.С.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Понятие и сущность организованной этнической преступной группы

Организованную преступность следует отнести к наиболее опасному виду преступности, деструктивно воздействующему на общественные и государственные институты. Мы полностью поддерживаем мнение С.А. Шатова о том, что «организованная преступность представляет собой общественно опасное, социально-девиантное явление, которое имеет свою сложную, многоуровневую, иерархическую структуру. Ее характеризует сплоченность организованных групп и преступных сообществ, занимающихся противозаконной деятельностью, цели которой состоят в получении криминальных доходов, оказании существенного влияния на различные сегменты экономической и политической жизни общества»¹.

Организованные преступные группы на этнической основе – это группы, сообщества (организации), представляющие собой специфические криминальные объединения, формирующиеся по национальному (этническому) признаку, то есть объединяющие в своем составе

¹ Шатов С.А. Организованная преступность. Некоторые аспекты криминологической характеристики // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 31-35.